

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**МАСТЕРА
РОССИЙСКОГО
ДЖАЗА**

(Продолжение)

АНАТОЛИЙ КРОЛЛ: «Я НЕ ИМЕЮ ПРАВА ОШИБАТЬСЯ»

Татьяна Балакирская

20 апреля 2008 года народному артисту России Анатолию Кроллу исполнилось 65 лет. Весь 2008 год Анатолий Ошеревич отмечает 50-летие своей джазовой деятельности: он ещё учился в Челябинском музыкальном училище им. Чайковского по классу фортепиано, когда в Челябинской филармонии у него, тогда 15-летнего, началась трудовая деятельность в качестве «пианиста и руководителя эстрадных ансамблей». А в 17 лет Кролл стал самым молодым в Советском Союзе дирижёром — музыкальным руководителем Государственного эстрадного оркестра Узбекистана. Тогда же, в 1961–1962 гг., с этим оркестром Анатолий Кролл впервые записался на пластинки.

Анатолий Кролл

В 1963 г. Анатолий Кролл создал джазовый оркестр в Тульской филармонии. Благодаря близости к Москве — до Тулы всего три часа езды на электричке — тульский биг-бэнд (официально он одно время именовался Приокским) втянул в свою орбиту множество талантливых музыкантов (Станислав Григорьев, Виктор «Арзу» Гуссейнов, Александр Пищиков, Виктор Двоскин, Игорь Кантюков, Иван Юрченко, Юрий Генбачев, Сергей Мартынов, певица Валентина Пономарёва и множество других) и стал настоящей оркестровой школой для целого поколения советского джаза. Свою дирижёрскую деятельность Анатолий Кролл активно совмещал с деятельностью джазового пианиста-солиста и в 1967 году со своим квартетом (Александр Пищиков — тенор-саксофон, Сергей Мартынов — контрабас и Юрий Генбачёв — ударные) с блеском выступил на легендарном первом международном джазовом фестивале в Таллине рядом с американскими, европейскими звёздами и всем цветом советского джаза.

С 1971 года Кролл работает в Москве, возглавив джаз-оркестр Росконцерта, называвшийся «Современник». В составе этого оркестра почти за 20 лет его существования играли многие известнейшие джазовые музыканты, в том числе и те, кто уже ранее работал у Кролла в Тульском биг-бэнде. Оркестр гастролировал по всей Европе (более десяти гастрольных туров по «загранке» — в то время мало кто из советских джазменов столько гастролировал за рубежом) и даже в Индии выступил дважды.

В 1982 году кинорежиссёр Карен Шахназаров пригласил Анатолия Кролла написать музыку для художественной музыкальной киноленты «Мы из джаза», ставшей впоследствии, как говорится, культовым фильмом российского кино. В этом фильме одну из главных ролей исполнила вокалистка Лариса Долина (долгие годы работавшая солисткой оркестра «Современник»), а сам Кролл сыграл в звуковой дорожке фильма все сольные фортепианные партии.

Сотрудничество композитора и режиссёра в дальнейшем переросло в творческую дружбу, в результате чего музыка Кролла (и его сольный рояль) звучит и в других фильмах Шахназарова («Зимний вечер в Гаграх», «Сны», «Американская дочь», «День полнолуния», «Яды...»).

В 1992 году Анатолий Кролл создал джаз-оркестр «МКС Биг Бэнд», в котором в течение пяти лет работали известнейшие солисты — трубачи Арзу Гуссейнов и Владимир

Мамыко, саксофонисты Станислав Григорьев и Алексей Николаев, барабанщик Эдуард Зизак, вокалисты Ирина Родилес, Светлана Панова, Анна Бутурлина и др.

В конце 2001 года Кролл принял решение возродить свою пианистическую деятельность и со своей новой группой «Мы из джаза», куда Анатолий Ошеревич традиционно для себя приглашает молодых талантливых музыкантов, объездил множество фестивалей по всей России и за её пределами. А в середине 2000-х, уже увенчанный званиями народного артиста России и кавалера российского ордена Почёта, Анатолий Кролл возглавил очередной биг-бэнд — на этот раз студенческий оркестр Российской академии музыки им. Гнесиных, получивший имя «Академик-Бэнд». В короткий срок этот оркестр стал не только лучшим молодёжным биг-бэндом страны, но смог на равных потягаться и с лучшими «взрослыми» джаз-оркестрами России, что убедительно доказало его выступление на юбилейном, пятом по счёту фестивале «Российские звёзды мирового джаза», который Анатолий Кролл проводит в Москве с 2004 г. и который прошёл в концертном зале Центра Павла Слободкина с 21 по 23 марта 2008 года.

Анатолий Ошеревич, должна сказать, что с вами довольно непросто вести беседу: у любого интервьюера, так сказать, глаза разбегутся. Вы и бэндлидер, и композитор, и продюсер, и председатель секции джазовой музыки Союза московских композиторов — словом, фигура крайне многозначная. Колоссальная, можно сказать, фигура отечественной джазовой сцены. Поэтому в беседе хотелось бы поговорить обо всем понемногу. Или помногу — как получится.

Начать хочу с приятного события, произошедшего не так давно: с правительственной награды, — ордена «За заслуги перед отечеством» IV степени, который вы получили из рук Владимира Путина. Спрошу об ощущениях от этого события. И ещё один вопрос задам: орден называется «За заслуги». Как считаете, за какие именно заслуги (по мнению тех людей, которые представляли вас к этой награде), собственно, она была вручена?

— *(иронически)* Я полагаю, что за заслуги в области музыкального искусства, — в частности, джаза. Если серьёзно — не думаю, что чиновники так уж задаются подобными

вопросами... Там же всё решается по принципу «знаем или не знаем». Видимо, знают! Потому что иногда людям, порой не менее заслуженным, чем я, но просто не в такой степени известным, могут... ну, по крайней мере, поменять уровень награды. Есть такие случаи тоже. Но учитывая, что я четыре года назад из рук президента уже получал предыдущую награду, наверное, это как-то зафиксировалось в памяти. Однако путь к награде начинается задолго до президента. Начинается всё с выдвижения: меня, например, выдвигал Союз композиторов РФ. Далее заявка следует по различным инстанциям. Министерство культуры, и так далее. Всюду должны тоже знать, что за человек, чтобы утвердить. Тем более, если речь идет о предельно высокой награде. А «За заслуги» — это самый высший орден, который имеет четыре степени. Я пока на 4-й, но... какие мои годы! Ещё всё впереди (*смеётся*).

Об ощущениях. Приятно, конечно. Хотя у меня никаких субъективистских амбиций нет. Я совершенно сознательно и искренне говорю: этот орден — на груди у российского джаза. Потому что мы ещё не избалованы наградами, хотя есть уже немало отмеченных людей Госпремиями, званиями народных артистов и так далее. Но, учитывая тот период, когда прекраснейшие музыканты жили в неизвестности и, никому не известные, уходили из жизни, я считаю, что государство в плане признания музыкантов российского джаза очень задолжало. Поэтому о тех, кто ещё в строю, кто ещё тратит свою жизнь и энергию на то, чтобы заниматься любимым делом, которое никто из настоящих джазменов не предавал, — нужно знать и помнить. Скажу, — быть может, проявлю нескромность, — для меня джаз всегда оставался делом основным, делом всей моей жизни. Хотя иногда приходилось иметь какие-то «параллели». Ну что говорить — мы все жили в этой стране и прекрасно понимаем, что бывает, а чего не бывает.

Поэтому, наверное... всё-таки заслужил.

Да, я пожалуй, соглашусь с вами в том, что, хотя орден даётся конкретному человеку, в данном случае можно говорить о том, что это наша общая маленькая победа. После нескольких таких побед, вероятно, можно будет говорить о том, что джаз переходит из полумаргинальных сфер в сферу официальных приоритетов. Как считаете,

нам, джазовым людям, будет ли полегче благодаря таким наградам?

— Хотя я Путину сказал, что награды невероятно омолаживают, — добавляют сил, энергии, желания действовать (и почаще бы нас омолаживали!) — но... наградами двигать жанр вперёд очень сложно. Вот сейчас мы говорим о признании статуса российского профессионального джазового музыканта. Казалось бы, государство повернулось к нам лицом. Но где те великие люди, которые не всегда вовремя получали такое признание? Где сегодня Лундстрем, Саульский, где сегодня Эдди Рознер, Скоморовский, Варламов, Кнушевицкий, где сегодня Борис Рычков (я уже беру более позднее время), где Константин Бахолдин, Слава Назаров? Удивительно: ведь время-то сейчас, казалось бы, совсем другое: играй — не хочу, называется. А приток талантливых людей, которые обещали бы стать деятелями, а не просто сайдменами, играющими только на своём инструменте, — мельчает. Вот это вызывает у меня колоссальную тревогу. Я хочу, чтобы джаз развивался очень гармонично, чтобы было кому играть, кому сочинять, кому аранжировать. Всё должно быть в гармонии, понимаете?.. Если люди будут только играть, значит, они будут всё время зависимыми. Авторское творчество в любом искусстве, особенно в музыке, имеет колоссальное значение.

Но, наверное, вы как-то пытаетесь разрешить эту проблему в рамках своей деятельности в Союзе композиторов?

— Я пытаюсь что-то делать. Я не факир, не волшебник, не щелчком пальцев решаются такие вещи. Я, в общем-то, стал первым в этой организации, кто всерьёз, планомерно привлекает в Союз молодёжь. Это было предметом удивления — когда на прослушивание (а в Союзе не только члены прослушиваются: любой человек, который пишет музыку, в данном случае, джазовую музыку, может быть приглашён для того, чтобы показать свои сочинения и записи) я пригласил Лёшу Чернакова. Был у меня на комиссии и Андрюша Красильников, и Катя Черноусова. Сейчас я собираюсь Женю Сивцова пригласить. Конечно, для многих [членов Союза] это было шоком. А я говорю: «Друзья мои. Ведь

жизнь на нас не заканчивается: давайте считать, что мы с вами не завершаем эпоху этого жанра. Мы обязаны что-то сделать, чтобы она продолжалась в этих талантливых ребятах. Ведь если мы их сейчас не поддержим, мы сами срубим сук, на котором сидим...».

Поэтому, с одной стороны, хочется, чтобы жанр развивался; с другой — уж очень слабый посыл от самой молодёжи наблюдается. Это очень плохо.

Вы объясняете это общенациональным уходом в масскультуру?

— И этим тоже, конечно. Куда проще сегодня получить какие-то дивиденды, жить сыто и обеспеченно. Мы же прекрасно понимаем разницу между тем, какие средства крутятся вокруг шоу-бизнеса и тем, как живут джазовые музыканты. Это просто несоизмеримо. Вся беда в том, что время стало невероятно прагматичным. Это очень прискорбно. Музыканты, талантливые ребята, — не могу, правда, сказать так обо всех — но многие начинают слишком рано жить прагматично. Ещё не успев сделать всё, что они могут в меру своих способностей, останавливаются на полпути. Кого-то останавливает трудность бытовая, я не знаю... не секрет, что в Москве достаточно непростой быт. Но я считаю, что музыкант обязан довести себя до максимально высокого уровня, даже если при этом ему придётся пойти на какие-то лишения. Если ему это позволяет талант, конечно. И среда обитания (например, в Академии им. Гнесиных: там есть прекрасные педагоги Бриль и Осейчук). Одним словом, в джазе невероятно важен энтузиазм. Студенческий энтузиазм. Который в человеке, по-хорошему, должен сохраниться и в 20, и в 40, и в 60 лет. Пока человек в этом жанре — он обязан сохранить чувство энтузиазма. А с прагматизмом этому чувству не ужиться. Прагматизм энтузиазм не перевесит: он будет идти где-то параллельно, но не остановит на пути к совершенству.

Вокруг вас много энтузиастов?

— Да. Я скажу, что мне везёт, потому что со мной работают молодые ребята, а последние 15–20 лет жизнь моя и вообще проходят рядом с молодёжью. И в биг-бэнде, и в малых

составах, и не только в учебных. Я вообще давно уже поставил цель совмещать, насколько я могу, работу и концертную, и исполнительскую, и педагогическую. Мне чрезвычайно важно, чтобы те, кто играет у меня в оркестре Академии им. Гнесиных, не чувствовали себя просто студентами. Они все должны знать вкус концерта, они должны понимать, что такое публика. Это же совершенно другой настрой, понимаете. Нельзя студента, джазового музыканта, а тем более коллектив джазовый запирать в четырёх стенах класса. Если пропадает ощущение публики — значит, всё. Всё становится декоративным, бутафорским, все чувства ненастоящие.

Я как раз хотела вам задать вопрос по этому поводу: от чего вы персонально получаете больше радости — от концертных выступлений и общения с публикой, от моментов уединения и композиторской деятельности или от плодов продюсерского труда?

— Всё меньше занимаюсь композицией. Всё меньше. Моя жизнь последние 25–30 лет больше связана с киномузыкой, чем с джазовой композицией как таковой — это семь фильмов, которые мы сделали вместе с Кареном Шахназаровым. Два из них были музыкальными, остальные — просто художественные фильмы, что само по себе тоже очень интересно.

Вот ещё, например, одна из ансамблевых форм, которыми я занимаюсь — это мой квартет. Полностью живёт на моём композиторском материале. Эта линия у меня развивается, да. В последнее время для биг-бэнда почти не пишу.

Педагогическая работа даёт возможность решать вопросы на хрестоматийном материале, на партитурах великих аранжировщиков мира. Но я бы с большим удовольствием поиграл бы партитуры самих ребят. Вот к чему я, собственно, и пытаюсь их привлечь. И бывает обидно, когда наш потрясающий знаток гармонии и аранжировки, профессор Академии Юрий Николаевич Чугунов иногда сидит на занятии и читает книгу в ожидании студентов. Это меня возмущает до глубины души. Не могу, опять же, сказать так обо всех студентах, но этот фактор имеет место. И это ужасно печально. Ведь мы можем вести молодёжь лишь до известного этапа, — насколько позволяет наш возраст, и так далее. Всё равно им жить самим. И если мы, ветераны, чересчур рано

сойдём с дистанции — что делать тогда? Эволюция должна быть планомерной и продуманной. Поколение должно эволюционировать без скачков. И об это надо думать, прежде всего, тем, кто постарше, и не обороняться от молодёжи, как это было в том же Союзе композиторов на протяжении многих лет — а в других жанрах ещё больше, чем в джазовом. Ну джаза там просто и не было особо...

Кстати говоря, Анатолий Ошерович, не могли бы вы рассказать о процедуре прослушиваний, о которых вы упоминали чуть ранее? Что они собой представляют и что дают молодым композиторам?

— Прослушивание — это неформальная форма общения. Человек приходит и в содружестве своих коллег, вне зависимости от того, члены ли они Союза композиторов или нет, показывает свои сочинения. Мы их обсуждаем, кто-то высказывается на их предмет. Это не суд, это не директивный какой-то орган. Другое дело, что бывает так, что когда мы человека знаем, прониклись доверием к нему, у нас, у легитимных членов Союза, возникает предложение о его выдвижении. Чтобы и он стал полноправным членом этого сообщества. Но мы дверь открываем перед всеми. Если ты создаёшь и хочешь показать музыку, если ты творишь, делаешь что-то своё — приходи, мы послушаем. Может, и покритикуем — но почему бы, собственно, и нет? А может, и похвалим...

А скажите, пожалуйста, этот принцип открытости, который стал свойствен джазовой секции Союза Композиторов — характерен ли он для вашей продюсерской деятельности? Под вашим руководством проходит масса джазовых событий — как в этом отношении вы работаете?

— Видите ли, у меня, помимо моего доброжелательного отношения в молодёжи, есть ещё и ответственность перед слушателем. Я не могу предлагать публике талантливый полуфабрикат, хотя могу к нему относиться предельно доверительно, с надеждой и так далее. Но лучше я этому человеку помогу до того, как он выйдет на фестивальную сцену. А ведь публика, как вы знаете, далеко не всегда бывает лояльной и мягкой. Она может среагировать очень жёстко.

«Мы заплатили деньги и требуем за них надлежащего качества...»

— Совершенно верно. Но людей можно в какой-то степени понять. Извините уж за нескромность: когда я рекомендую публике исполнителя (ведь, как правило, мои фестивали называются «Анатолий Кролл представляет»), я несу ответственность за того, кого предлагаю. Я не имею права ошибаться. Это минное поле. Если я однажды потеряю доверие публики, она перестанет ко мне ходить.

Иначе говоря, слово Анатолия Кролла — это высшая проба, которая ставится на событие?..

— Ну, в общем, да. И я вам скажу, что всё-таки на моих фестивалях всегда есть место молодым исполнителям. Даже не 50 на 50, а большая часть бывает отдана им на откуп.

Любимчики есть?

— Безусловно! Безусловно. Есть талантливейшие ребята, пианисты, саксофонисты... не знаю, стоит ли их называть поимённо, — а вдруг кого-то забуду, обидятся. По крайней мере, могу сказать, что есть такие творческие специальности, которые развиваются куда более успешно по сравнению с другими. Прекрасно развиваются саксофонисты. Прекрасно развиваются пианисты — может, не в таком количестве, но всё равно. Есть талантливые ребята-барабанщики, и, в меньшей степени, — контрабасисты. И очень обидно обстоит вопрос с нашими медными духовыми инструментами. Это просто ка-та-стро-фа. Бывают, конечно, какие-то самородки, которые просто упали с неба, что называется. Вот [трубач] Пётр Востоков. Солист всех оркестров сейчас. Хотя он изначально играет в моём «Академик-Бэнде». Я не могу сказать, что он продукт педагогической джазовой системы. Да, он окончил по трубе десятилетку, и там ему как инструменталисту довольно много дали. Но что касается непосредственно джаза, — это продукт самообразования и фанатической любви. Он слушает бесконечное количество музыки и очень уважает традиции. Он не просто выскочка, который вдруг взял и сегодня заиграл. Он знает, что было до него, умеет играть и традицию, и современный джаз. Вот

это образец. Но это не продукт педагогической системы, повторюсь. Этот парень просто оказался очень инициативным, и поэтому вот он... есть.

Словом, вопрос очень неоднозначный, поскольку я не могу отделаться от мысли о том, что наша молодёжь не до конца использует те возможности, которые им предоставлены.

Хотелось бы вспомнить о том, что вы также являетесь программным директором провинциальных фестивалей. Расскажите о них, пожалуйста.

— Расскажу об одном. Вот Челябинск — это моя родина, где я родился и прожил первые 15 с половиной лет своей жизни. Этот город в один прекрасный момент — когда мой возраст подошёл к 50-60 — начал проявлять ко мне особенное, удивительное тепло и внимание. Хотя в своё время я этот город покинул именно по причине крайнего увлечения джазом. Было время, когда это просто не могло не сказаться на моей биографии. Так оно и произошло. И сейчас мне очень радостно, что джазовая музыка получила в Челябинске постоянную прописку, что есть фестиваль, который там проходит благодаря усилиям Игоря Бурко, руководителя прекрасного оркестра — Уральского диксиленда (они объездили всю Европу). И тот уровень, которого мне удалось в жизни достичь, оказался очень полезным для моего родного города: я являюсь художественным руководителем этого фестиваля. В чём могу, поправляю, что могу, советую. А фестиваль получился уникальный. Это не серия концертов в масштабах одного зала, это праздник, который проводится целым городом. Весь город превращается в фестиваль — все парки, все сады, улицы... дефиле джазовое... Семь, восемь, десять сцен стоит по городу! Есть, конечно, VIP-площадка, где играют хэдлайнеры, но в основном приезжают коллективы из области, из других областей и городов. Это удивительно. Только один подобный фестиваль я видел в жизни — в Монтрё, в Швейцарии.

И народ действительно проникся?

— Да, люди семьями ходят, с детьми, стоят, слушают, если парад диксилендов идёт. Причём в самом джазовом

дефиле принимают участие даже не диксилендовые музыканты: вот Давид Голощёкин, например — он же чудесно на трубе играет! Надевает свою кепульку и идёт со всеми диксилендчиками с превеликим удовольствием.

Да, парад оркестров — это увлекательная вещь. Я вот даже видела, как самозабвенно играл диксиленд уж вовсе не мэйнстримовый человек — [барабанщик] Пётр Талалай...

— Да, да: фестивальнй дух захватывает, и все себя чувствуют причастными. Но главное то, что вслед за музыкантами (есть в Челябинске улица Кировка — как московский Арбат) идёт огромная толпа людей. Слушают, веселятся. Вот чем и отличается фестиваль от обычного концерта: это нечто большее, чем просто слушать музыку. Это, можно сказать, такой образ жизни — на время проведения праздника, по крайней мере. Нужно прожить, прочувствовать, прорадоваться, быть с музыкой всецело.

Челябинский фестиваль идёт три дня. В России вообще сложно проводить подобные события дольше. В Ярославле, я знаю, есть недельный фестиваль, но он не каждый день происходит, а с перерывами.

Вот московские фестивали «Джаз в саду Эрмитаж» и «Усадьба. Джаз» можно причислить к подобным местам массовых скоплений джазоловобов. Особенно «Усадьба»: люди приезжают на целый день с семьями и проводят там время в окружении джаза. Вообще джаз, как мне кажется, — самое демократичное музыкальное искусство — очень любит атмосферу свободы. Чем больше свободы, тем больше джаза. Поэтому абсолютно по-особому проходят фестивали на открытом воздухе. Правда, в этом случае надо правильно определять репертуарную политику. Филармоническое направление джаза, сложное такое, может быть здесь и неуместно. Но это уже дело организаторов.

Я всё думаю о челябинском фестивале, о котором вы рассказали, и в который раз понимаю, что держатся-то такие вещи действительно исключительно на энтузиастах. Поскольку системы в джазовом продюсировании нет, то всё зависит, как правило, от конкретных людей. Наверняка в городской мэрии Челябинска есть человек, который любит джаз — я права?

— Вы знаете, да. Всё действительно не на пустом месте возникло. На протяжении 18 лет городом руководил мэр, который любил джаз. Он, конечно, не был знатоком каких-то тонкостей, но душа у него была джазовая. Он высиживал многочасовые концерты, и уже когда казалось, что любой нормальный человек должен сломаться, он кричал из зала «Давай ещё!» Такой вот человек. Конечно же, он во многом поспособствовал тому, что в городе есть фестиваль. Но в любом случае нужно помнить, что нигде ничего сразу не происходит. Только терпение может дать возможность получить какие-то результаты. Публику надо воспитывать, приучать к джазу. Мы ведь как привыкли — рейтинг, не рейтинг, пойдут, не пойдут... Да вы поработайте, приложите хоть немного усилий! Ведь огромное значение имеет то, чтобы не только среди исполнителей была молодёжь, но и в аудитории она была. Мои самые сильные впечатления от поездки на фестиваль Монтрё состояли в том, что я увидел: 80% публики — молодые люди. А ведь я ездил в Монтрё тогда, когда мы не были избалованы живыми выступлениями звёзд. И меня по возвращении спрашивали в первую очередь о том, кого я видел и слышал. А для меня эти впечатления были на втором плане. В первую очередь я был потрясён составом публики. Это несбыточная мечта по тем временам была. Сейчас ситуация немного лучше. Хотя молодых в зале всё-таки не так много, как хотелось бы. Если у нас аудитория не будет омолаживаться и эволюционировать вместе с исполнителями, все остановится, замрёт. Музыканты в этом отношении — очень зависимый народ. Вы же понимаете, насколько молодая джазовая аудитория отличается от тех, кому сейчас 50–60 лет. И насколько зритель важен в творчестве музыканта: ведь если некому воспринимать твои новаторские современные идеи, то надолго тебя может не хватить...

Но если подумать — каковы могут быть пути привлечения этой самой молодой аудитории? Самый сильный на сегодняшний день способ популяризации чего угодно — это телевидение. Молодые люди, мало-мальски соображающие, что к чему, телевизор не смотрят: у них есть интернет, а значит, есть свобода выбора и альтернатива. Эти сами о себе позаботятся и рано или поздно (как показывает практика) придут к джазу: вопрос второй, надолго ли.

А вот чтобы ударным методом увеличить количество аудитории джазовой музыки, приходится как раз прибегать к средствам ТВ. И кино, кстати говоря.

— Да, я понимаю, к чему вы клоните (улыбается).

Видимо, да. Фильм «Мы из джаза» наверняка в своё время увеличил джазовую аудиторию в разы (сейчас, к слову, что-то подобное делает Игорь Бутман за счёт своих частых появлений во всевозможных ток-шоу и звёздных проектах). Насколько я знаю, об этом фильме сейчас снимают документальное кино: возможно, оно вызовет очередную волну интереса к нашему предмету?..

— Канал «НТВ+» снимает специальную картину о юбилее фильма «Мы из джаза» — 25 лет исполняется нашей киноленте. На самом деле, в далёком 1983 году никто из нас даже представить себе не мог, что фильм войдёт в культурную жизнь страны так надолго и практически не будет сходить с экранов. Названия многих фильмов, некогда популярных, сейчас уже забылись: говоришь людям название, а они пожимают плечами. Но я не помню ни одного случая, когда бы человек пожал плечами в ответ на название «Мы из джаза». Даже среди относительно молодых людей. Значит, в этом кино затронута какая-то струна. Не только музыкальная. Да и не было самоцели сделать музыкальный фильм... Это — психологический срез сути джазового музыканта, его увлечённости. Особенно музыканта тех времён. Может быть, он получился несколько гиперболизированным, — образ Кости, воинствующего энтузиаста, — но, как ни странно, именно это и есть то самое необходимое качество и сегодня (к вопросу об энтузиазме в жизни джазового музыканта, о котором мы уже говорили). Поэтому фильм любят и музыканты. Они исключительно редко хорошо относятся к музыкальным фильмам. Чаще — иронически, свысока. А о чём это говорит? Что и в музыкантской душе эта картина нашла отклик. Я считаю, что у фильма более чем счастливая судьба, о которой мы даже не могли мечтать.

До меня дошли слухи, что есть планы снять продолжение этого фильма. Даже скажу, откуда эта информация: на сайте киевского оркестра RadioVand одно время была

размещена новость следующего содержания: «Сценарист фильма «Мы из джаза» Александр Бородянский, посетив последний концерт RadioBand, остался чрезвычайно доволен услышанным и согласился написать новый сценарий — «Мы из джаза-2», где найдется место и «старому» поколению актеров (Александрю Панкратову-Черному, Игорю Скляру), и поколению новому». Как откомментируете?

— Нет. Продолжения не будет. Точно. Я человек, достаточно сведущий в планах Карена Шахназарова. Карен почти никогда не повторяет фильмов, у него нет серийности. Каждый фильм — новая история, новый киножанр.

Как считаете, будет ли спрос на фильм об отечественном джазе, о джазменах, если снять его в наши дни?

— Есть какая-то специфика. Есть какая-то особенность в людях, занимающихся джазом. Все мы знаем, что джаз — это не просто музицирование, это образ мышления, это образ жизни. И есть смысл именно эту сторону показать, что и сделал, к слову, Карен Шахназаров. Если бы, правда, ему сейчас надо было бы такой фильм снять, может, он сделал бы это по-другому. Но было ли бы это лучше — я не знаю. Так что надо находить какой-то баланс в познании сути человеческой в рамках этой профессии и соотношении этой профессии с общей жизнью, всевозможных коллизиях на этой основе... Я считаю, что джазовый музыкант вполне достоин того, чтобы находить какие-то новые ракурсы в его изображении... Есть же в мировой истории примеры — и их немало! — «Около полуночи», например, с Декстером Гордоном. Так что не надо делать из этого сюжета индустрию, серийность какую-то, но я думаю, что есть интересные личности в джазе, о которых можно интересно рассказать кинематографическими средствами.

АЛЕКСЕЙ КУЗНЕЦОВ: ПОЛВЕКА В ДЖАЗЕ... И ДАЛЬШЕ!

Кирилл Мошков

В сентябре 2008 года в Театральном зале Московского международного Дома музыки прошёл концерт, посвящённый 50-летию творческой и просветительской деятельности легендарного российского джазового гитариста Алексея Кузнецова. В этот вечер публике был представлен DVD «Алексей Кузнецов: полвека в джазе». За всю многолетнюю историю творчества прославленного ветерана российской сцены этот диск — первый опыт, по полушутливому признанию музыканта, «видеоотчёта перед зрителями о проделанной работе». Диск содержит редкие хроникальные съёмки выступлений народного артиста РФ Алексея Кузнецова, как сольные, так и совместные — с целым со-

Алексей Кузнецов

звездием других ведущих мастеров российского джаза, среди которых Игорь Бриль, Георгий Гаранян, Давид Голощёкин, Даниил Крамер, Владимир Данилин, Николай Громин, Игорь Бутман, Алекс Ростокский, Анатолий Соболев, Сергей Манукян, Сергей Чернышов, Андрей Кондаков и многие другие. На DVD представлены сольные выступления Алексея Кузнецова, дуэты, трио, квартеты, игра с оркестрами и биг-бэндами. По словам юбиляра, «главное — гитара предстаёт во всех своих проявлениях

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru